

ТОТ, КТО
НЕ ПРЕДАСТ

*Люди
и их питомцы*

БРЮС КЭМЕРОН

*Тумь
ганой*

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К98

W. Bruce Cameron
A DOG'S WAY HOME

Copyright © 2017 by W. Bruce Cameron

Фото автора © Photo by Ute Ville

Перевод с английского *Е. Татищевой*
Художественное оформление *С. Власова*

Кэмерон, Брюс.

К98 Путь домой : [роман] / Брюс Кэмерон ; [пер. с англ. Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы).

ISBN 978-5-04-090277-4

Однажды в конуре под домом Лукас Рэй находит щенка питбуля. Белла, так он называет собаку, становится для него близким другом. Милая и забавная, она по-настоящему украшает его жизнь, но неожиданно все меняется. Противники бойцовских пород решают: Белле не место в Денвере. Чтобы спасти животное от усыпления, Лукас отдает собаку друзьям. Но разве можно забыть того, кто спас тебе жизнь? Белла не забывает. Разлука с хозяином становится для нее страшным ударом. И тогда храбрая собака решается на отчаянный шаг – побег. Путь домой будет долгим, но Белла поймет самое главное – ради любимого человека можно вынести все.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-090277-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Я с самого начала знала, что рядом есть кошки. Они были везде.

Я не могла по-настоящему их разглядеть — мои глаза уже открылись, но, когда кошки подходили близко, я различала только какие-то неясные силуэты, движущиеся в темноте. Однако я чувала их запах, ощущала его так же явственно, как запах моей матери, когда сосала ее, или как запах моих братиков и сестричек, которые шевелились, когда я протискивалась между ними, чтобы припасть к живительному источнику.

Тогда я, конечно, еще не знала, что это кошки — я понимала только, что они не такие существа, как я сама. Они жили в нашем логове, но не делали попыток сосать молоко моей мамы вместе со мной. Позднее, когда я увидела, что они маленькие, проворные и прыгучие, то поняла, что они не просто «не собаки», а животные, принадлежащие к совершенно иному племени.

Мы жили все вместе в нашем прохладном темном жилище. От сухой земли под моим носом исходили удивительные застарелые запахи. Я наслаждалась, вдыхая их, наполняя свой нос богатыми, восхитительными ароматами. Сверху, с сухого деревянного потолка, сыпалась пыль, и он нависал над нами так низко, что, когда моя мать вставала, поднявшись из утоптанного углубления в земле, ко-

торое служило нам постелью, чтобы на время покинуть меня и моих братиков и сестричек — повизгивающих в знак протеста и жмущихся друг к другу, чтобы было не так страшно — ее стоящий трубой хвост доходил до середины пространства между нами и потолочными балками. Я не знаю, куда ходила моя мать во время своих отлучек, знаю только, как нам всем было тревожно, пока она не возвращалась назад.

Единственным источником света в нашем логове была квадратная дыра в самом дальнем его конце. Через это окно в мир к нам лились ошеломительные запахи холода, сырости, чего-то живого — словом, вещей и мест, еще более упоительных, чем те, которые я могла обонять дома. Иногда даже мне удавалось увидеть через дыру огоньки машин, уезжающих в какой-то далекий мир или возвращающихся из какого-то неведомого мне места, моя мать всегда оттаскивала меня назад, когда я пыталась подползти к выходу из нашего логова.

Когда мои лапы окрепли, а зрение стало острее, я начала играть с котятками точно так же, как играла со своими братиками и сестричками. Чаще всего я подходила к одному и тому же кошачьему семейству, обитающему в укромных уголках задней части нашего общего дома, потому что два котенка из него были со мной особенно дружелюбны, а их мать иногда лизала меня. Про себя я называла ее Мама-Кошка.

Обычно после того, как я некоторое время весело резвилась в компании котят, моя собственная мама приходила и за шкурку вытаскивала меня из кучи маленьких кисок. Потом, когда она относила меня обратно к моим братикам и сестричкам, они всегда подозрительно обнюхивали меня. По этим их реак-

Путь домой

циям я поняла, что им не нравится остающийся на моей шерсти слабый кошачий дух.

Такова была моя радостная, чудесная жизнь, и у меня не было причин думать, что она когда-нибудь изменится.

* * *

Я сонно сосала молоко моей мамы, слыша попискивание моих братиков и сестричек, сосущих вместе со мной, когда наша мама вдруг вскочила так внезапно, что мои лапы оторвались от земли, прежде чем я сообразила выпустить из зубов ее сосок.

Я сразу же почувствовала, что происходит что-то странное.

По нашему дому распространилась паника, она передавалась от одних кошек и котов к другим, пока они все не бросились в заднюю часть логова; матери-кошки одного за другим перенесли туда за шкуру всех своих котят. Мои братики и сестрички и я кинулись к нашей маме, зовя ее. Мы были напуганы, так как чувствовали ее панику.

По нашему дому заскользили пучки яркого света, от которого у меня заболели глаза. Свет исходил из дыры в стене, как и сопровождающие его непонятные звуки.

— Господи боже! Да в этом подполе целый миллион кошек!

Я понятия не имела, что производит этот шум и почему наше логово наполнилось слепящим мигающим светом. Из дыры в стене до меня донесся запах каких-то новых, совершенно не известных мне существ. Мы были в опасности, и угроза исходила от этих незнакомцев. Моя мама, шумно дыша, пригнула голову и начала отступать назад, и мы все, как

могли, спотыкаясь, заковыляли за ней, тихим писком умоляя ее не оставлять нас.

— Дай мне взглянуть! О черт, как их тут много!

— Из-за них могут возникнуть проблемы?

— Да, черт возьми!

— Что ты собираешься делать?

— Нам придется вызвать сюда спеца по истреблению бродячих животных.

Я почувствовала некоторое различие между первым набором звуков и вторым, они отличались по тону и высоте, хотя я и не понимала, что они значат.

— Разве мы не можем просто потравить их сами?

— У тебя есть подходящая отравка в грузовике?

— Нет, но я могу ее достать.

Моя мама все никак не ложилась, чтобы мы вновь могли начать сосать ее молоко. Ее мышцы были напряжены, уши прижаты к голове, внимание сосредоточено на источнике странных звуков. Мне хотелось пососать ее молока и чтобы мы все снова могли чувствовать себя в безопасности.

— Если мы потравим их сами, дохлые кошки будут валяться по всему кварталу. Их тут слишком много. Если бы речь шла об одной или двух, я бы согласился, но здесь целая колония кошек.

— Ты хотел завершить снос дома к концу июня. Так что у нас не так уж много времени, чтобы избавиться от этих тварей.

— Знаю.

— Глянь-ка, там миски. Этих проклятых тварей кто-то кормит.

Пучки света опустились и сошлись вместе, образовав пылающее пятно на земле, прямо перед дырой.

— Ничего себе! Черт, куда катится мир?

— Хочешь, я попытаюсь разузнать, кто приносит им еду?

Путь домой

— Не-а. Когда кошек тут не будет, проблема расосется сама собой.

Рыщущие по нашему дому пучки света скользнули по земле еще раз и погасли. Я услышала, как зашевелилась земля, и до меня донеслись явственные звуки тяжелых шагов, куда более громкие, чем бесшумная поступь кошек. Появление новых существ у дыры мало-помалу забылось, и постепенно котята возобновили свои игры, снова чувствуя себя счастливыми. Мы с моими братиками и сестричками пососали еще молока, потом я пошла проведать котятков Мамы-Кошки. Как обычно, когда проникающий в квадратную дыру дневной свет становился более тусклым, взрослые кошки и коты один за другим выходили вон, и ночью я часто слышала, как они возвращаются, и иногда чуяла запах крови, исходящий от добытых маленьких зверьков, которых они приносили своим котяткам.

Но когда охотилась моя мама, она уходила не дальше больших мисок сухого корма, стоящих у самой дыры. Я почуяла запах этой еды в ее дыхании, запах рыбы, растений и мяса, и мне стало интересно, каково все это на вкус.

От того, что вызвало у нас панику, что бы это ни было, не осталось и следа.

* * *

Я играла с настырными котятами Мамы-Кошки, когда наш мир рухнул. На этот раз свет пришел не в виде отдельных пучков, а в виде слепящего взрыва, ярко осветившего все.

Кошки, коты и котята в ужасе разбежались. Я застыла на месте, не зная, что делать.

— Приготовьте сети, когда кошки побегут наружу, они выбегут все сразу!

С той стороны дыры послышалось:

— Мы готовы!

Вслед за источником света в дыру протиснулись трое больших существ. Это были первые люди, которых я увидела, но до этого, как я только что поняла, мне уже доводилось чують запахи людей — просто тогда я не могла себе представить, как они выглядят. Где-то в самых глубинах моего естества вспыхнула искра узнавания — я почувствовала какое-то странное влечение к ним, мне захотелось подбежать к ним, когда они на четвереньках вползали в наш дом. Но почти осязаемый страх, исходивший от обезумевших кошек, остановил меня.

— Одного поймал!

Пойманный кот зашипел и истошно мяукнул.

— Вот черт!

— Следи за ними в оба, парочка этих тварей только что удрала.

— Черт бы их подрал! — послышался голос с улицы.

Мама уже не было рядом, и я попыталась отделить ее запах от запахов окружающих меня кошек и котят, а потом обмякла, потому что острые зубы впились в мой загривок, и Мама-Кошка потащила меня назад, в тень, туда, где в каменной стене зияла огромная трещина. Она втолкнула меня в самую глубину трещины, в маленькое тесное пространство, и положила на землю рядом со своими котятами, а потом, свернувшись, улеглась и сама. Следуя ее примеру, все котята лежали тихо-тихо. Я лежала вместе с ними в темноте и слушала, как громко переговариваются люди.

— Тут еще и помет щенят!

Путь домой

- Ты что, шутишь? Эй, хватай вон того!
- Кис-кис-кис, иди сюда, киска, мы тебя не обидим.
- А вон мать этих щенков.
- Она испугана до смерти. Смотри, как бы она тебя не покусала.
- Все в порядке, девочка, все в порядке. Выходи.
- Гантер ничего не говорил нам про собак.
- Он и не сказал, и что здесь такая уйма этих чертовых кошек.
- Эй, вы там, на улице, вы принимаете их в свои сети?
- Их чертовски трудно поймать! — крикнул голос с улицы.
- Иди сюда, собачка. А, черт. Осторожно! Сейчас к вам вылезет сука-мать!
- Ага, вот и она! Все, мы ее поймали! — откликнулся голос с улицы.
- Тихо, щеночек, тихо. Они такие маленькие!
- И уж как пить дать, их куда легче ловить, чем этих чертовых котов!

Мы слышали все эти звуки, не понимая, что они могут значить. К нам в трещину проникал слабый свет, но человеческие запахи к нашему укрытию не приближались. Витавший в воздухе запах кошачьего страха постепенно ослабел, и звуки снаружи стихли.

В конце концов я уснула.

* * *

Когда я проснулась, моей мамы нигде не было. Не было и моих братиков и сестричек. Углубление в земле, где мы появились на свет и где лежали, сося молоко нашей мамы, все еще пахло семьей, но, когда я, принюхиваясь, попыталась отыскать в потемках

по этому запаху маму, меня охватило чувство такого одиночества и пустоты, что я заскулила и из моего горла вырвался всхлип.

Я не понимала, что произошло, но единственными кошками, которые остались в нашем доме, были Мама-Кошка и ее котята. Охваченная отчаянием, ища ответов и ощущения хоть какой-нибудь безопасности, я подошла к ней опять, писком выражая свой страх. Она уже вытащила своих котят из укрытия в стене, и все они снова собрались на квадратной тряпице, на которую я смотрела как на их дом. Мама-Кошка обнюхала меня всю своим черным носом, потом легла и свернулась вокруг меня, и я, привлеченная молочным запахом, припала к ее соску. Ощущение на моем языке было незнакомым и странным, но я жаждала тепла и пищи и была ей за них благодарна. Несколько мгновений спустя ко мне присоединились и ее котята.

* * *

Наутро в наше логово вернулось несколько котов. Они приблизились было к Маме-Кошке, но она зашипела, предупреждая их, чтобы они не подходили ближе, и они, удалившись в свой угол, легли спать.

Позднее, когда свет, льющийся в дыру, достигнув своей наибольшей яркости, постепенно начал тускнеть, я почуяла слабый запах еще одного человека, отличный от запахов тех других. Теперь, осознав это отличие, я поняла, что этот запах мне знаком.

— Кис-кис-кис!

Мама-Кошка неожиданно поднялась со своей тряпицы. Странное внезапное ощущение холода, накрывшее нас с ее уходом, повергло всех в шок,

Путь домой

и мы еще теснее прижались друг к другу в поисках успокоения и тепла, сгрудившись в барахтающуюся кучку из множества котят и одного щенка. Я видела, как Мама-Кошка подошла к дыре, но не вылезла из нее, а остановилась перед ней в пятне тусклого света. Коты насторожились, но не пошли вслед за ней туда, где находился человек.

— Ты осталась здесь одна? Я не знаю, что тут произошло, меня тогда не было рядом, но на земле остались следы от колес грузовиков, так что я знаю, что сюда приезжали грузовики. Они что, забрали всех остальных кошек? Человек заполз в дыру, на мгновение полностью заслонив от нас дневной свет. Это был самец — я поняла это по его запаху, хотя различие между мужчинами и женщинами мне предстояло узнать лишь позднее. Он показался мне немного крупнее, чем первые люди, которых видели мои глаза.

И вновь меня потянуло к этому особенному существу, и во мне поднялась какая-то необъяснимая тоска. Но вспомнив ужас, который я пережила накануне, я все же решила остаться вместе с моими новыми братиками и сестричками — котятами Мамы-Кошки.

— Ну ладно, киски, я вас вижу. Как же вам удалось убежать? И они к тому же унесли с собой ваши миски. Вот люди!

Послышалось шуршание, и воздух наполнился восхитительным ароматом еды.

— Я принес вам немного корма. Пойду схожу за новой миской. И принесу вам воды.

Человек, пятясь, выполз из дыры. Едва он ушел, коты ринулись вперед и стали жадно поедать корм, который он высыпал на землю.

Я поняла, что этот человек вернулся, раньше Мамы-Кошки и котов, как будто они не могли рас-

познать его запах, даже когда тот сделался сильнее. Однако, когда он вновь подошел к дыре, все коты отреагировали так же, как и прежде, со всех ног бросившись в свой угол. Только Мама-Кошка продолжала упорно стоять на своем месте. Он просунул в дыру новую миску с едой, но Мама-Кошка не подошла к ней, а просто стояла и смотрела. Я чувствовала, как она напряжена, и понимала, что она готова тут же отпрыгнуть и убежать, если он попытается схватить ее по примеру других людей.

— Вот тебе и вода. У тебя есть котята? Да, я вижу, что ты кормящая мать. Они что, забрали у тебя твоих малышей? О киска, мне так жаль. Знаешь, все эти дома скоро снесут, чтобы построить здесь многоквартирный жилищный комплекс. Так что тебе и твоей семье нельзя здесь оставаться, понимаешь?

В конце концов человек ушел, и Мама-Кошка и коты снова принялись за еду. Когда Мама-Кошка вернулась к нам, я понюхала ее рот, но, когда я лизнула ее в морду, она резко отвернулась.

Время шло, его течение знаменовалось изменениями характера света, который лился в наш дом через квадратную дыру. К нам пришло еще несколько котов, в том числе некоторые из тех, что жили с нами прежде, а также еще одна кошка, чье появление стало причиной драк между котами, за которыми я наблюдала с большим интересом. Одна пара дерущихся котов пролежала на земле, сцепившись друг с другом, так долго, что мне было понятно, что они не спят только по тому, как металась из стороны в сторону их хвосты, но это было не радостное виляние, а выражение утомления и боли. Когда они наконец расцепились, то растянулись на земле, почти касаясь друг друга носами, и принялись пугать друг

Путь домой

друга, издавая звуки, совсем не похожие на те, которые я прежде слышала от кошек и котов. В другой драке один из котов лежал на боку, ударяя лапами того, который стоял. Тот, который стоял, бил лежавшего по голове, а тот отвечал противнику, раз за разом деря его когтями.

Почему они не могли просто встать на задние лапы и атаковать друг друга? Их поведение не только вызывало напряжение у нас всех, но и казалось мне совершенно лишённым смысла.

За исключением Мама-Кошки, я не общалась ни с кем из взрослых кошек и котов, а они вели себя так, будто меня просто не существует. Я возилась с котятами, мы боролись, залезали друг на друга или гонялись друг за другом целый день. Иногда я рычала на них, раздражённая тем, как они играют, потому что этот способ игры казался мне каким-то не таким. Мне хотелось запрыгивать им на спинки и вцепляться зубами в их загривки, но они никак не могли уловить суть этой игры и просто обмякали, когда я опрокидывала их и прыгала на их крошечные тельца. Иногда они сворачивались вокруг моей морды или с размаху колотили по ней своими лапками с острыми коготками, нападавая на меня со всех сторон.

Ночами я тосковала по своим родным братикам и сестричкам. Я тосковала по маме. У меня была семья, но я понимала, что кошки совсем не такие, как я. У меня была стая, но эта стая состояла из котят, и мне казалось, что это совсем не то. Я чувствовала себя несчастной и порой скулила от гнетущей меня тоски, и тогда Мама-Кошка облизывала меня, и мне на время становилось лучше, но все вокруг меня явно было совсем не таким, каким должно было быть.